

Так называется книга, выпущенная издательством "Искусство". Тираж ее всего 10 тысяч. А жаль. Ибо число самых горячих поклонников замечательного певца во много-много раз превышает число счастливых, которые смогут иметь счастье прочитать воспоминания вдовы Утесова Антонины Ревельс.

"Антонина Сергеевна Ревельс знала Леонида Осиповича, наверное, как никто, проведя с ним в дружбе-обожании-заботе-труде более сорока лет". Это цитата из предисловия, написанного Л. Булгаком, помогавшей готовить мемуары к публикации. И результатом совместных трудов стала хоть и скромная на фоне нынешних пышных изданий, но изящно написанная и прекрасно проиллюстрированная книга об уникальной Личности. Надеемся, что отрывки, публикуемые нами сегодня, позволят читателям составить о них — книге и Личности — свое впечатление.

Пришел к Утесову в гости Михаил Аркадьевич Светлов. Остроты так и сверкали в их веселой беседе. Потом Утесов прочитал Светлову свои стихи и Светлов сказал:

— Лёличка, кэзэлэ, дружок мой, пиши, у тебя очень хорошо получается.

Леонид Осипович был весьма доволен. А Светлов, посмотрев на меня, поскольку я хозяйничала за столом, так как часто приходила помогать Елене Осиповне, когда она болела, тут же взял листок бумаги, улыбнулся и написал:

Как существительное "тоня"
Давно известно на Руси,
А как глагол известно:
"Тонет". Кто тонет?
Я, еврей. Спаси!

Однажды мы плыли из Сухуми в Сочи на пароходе, считая это краткосрочным отдыхом между гастролями. И вот к Утесову приходит грузин и приглашает его на банкет по случаю дня рождения академика Грузинской академии наук. Торжество это отмечается тут же, на пароходе. Отказаться неудобно, и Утесов соглашается. Но что подарить? На пароходе достойного подарка не купишь. Тогда Леонид Осипович берет бутылку коньяку. Придя на банкет, он ставит бутылку перед новорожденным. И вдруг присутствующие опускают глаза, замолкают и мрачнеют. Утесов в панике спрашивает:

— Что? Что я сделал не так?
— Вы принесли армянский коньяк.

Леонида Осиповича часто приглашали на юбилей. Рина Зеленая как-то сказала, что когда Утесов приходил на чей-нибудь юбилей, то юбиляром становился он. И вот на одном таком юбилее, на котором и мне довелось присутствовать, я воочию убедилась в справедливости слов Рины Зеленой.

Юбилей отмечался в ресторане. Вошел Утесов, и все завертелось вокруг него. Его обаяние, остроумие, умение рассказать и показать анекдот сразу привлекли к нему все взоры. Юбиляр сначала тоже радовался и смеялся вместе со всеми, но постепенно становился все грустнее. И где-то посередине вечера встал и сказал:

— Ну, я понял, чей это юбилей, кажется, я могу идти домой.

Случилась беда: у Утесова начались острые боли в животе. И его отвезли в больницу. Там в это время дежурил профессор Арапов. Он осмотрел Леонида Осиповича и сказал, что это аппендицит и что завтра его прооперируют. Ушел, а потом, видимо, подумав, что этот пациент не кто-нибудь, а все-таки Утесов и зачем же ждать до утра, почему не прооперировать его сейчас, ночью. Арапов вернулся в палату и сказал Утесову:

— Вставайте, пойдёмте, вырежем ваш аппендицит и забудем о нем.

Когда после местного наркоза вскрыли брюшную полость, профессор увидел, что там не аппендицит, а опухоль, искомандовал: "Маску!"

Леонид Осипович потом рассказывал, что перед тем, как впасть в забытие, он увидел страшно изменившееся лицо профессора.

Наутро Утесов проснулся забинтованный. Арапов сказал, что операция прошла успешно, но что будет необходима вторая, так как обнаружена опухоль и надо ждать, как она себя поведет.

Это сообщение повергло Утесова, всю его семью и всех близких в жуткое уныние и родило страшную панику.

Звонки у него дома раздавались один за другим.

— Что с Утесовым?

— Он умер?

— У него рак?

— Он уехал в Израиль?

Я дежурила у телефона и с утра до вечера отвечала на вопли.

Врачи удивились:

— Что это такое?

— Только не трогайте, — взмолился Утесов, — это мое главное лекарство.

И, наверное, это действительно было так. Когда однажды я не принесла очередного рисунка с программой на за-

РЯДОМ С УТЕСОВЫМ

Сам Леонид Осипович находился в подавленном состоянии, и нам было тревожно видеть его, оказавшегося у роковой черты, такого жизнелюбивого, жизнерадостного, столь непохожим на себя. Надо было как-то поднимать его настроение.

Каждый раз, приходя на дежурство, чтобы сменить Диту, я приносила ему смешные рисунки по типу мультипликационной, где действовали Заяц — Утесов, Белочка — я и Медвежонок — Дита. На этих рисунках, иногда со стихами, изображалась как бы программа жизни на следующий день. Завтра — перевязка, а потом Заяц встанет и будет в состоянии ходить, послезавтра он выйдет на улицу и т.д. Рисунки действовали на Утесова как гипноз. Он действительно назавтра вставал, а на следующий день выходил на улицу. Леонид Осипович поверил в целительную силу этих рисунков. Мы прикрепляли их к стене, к кровати, к стулу. Когда однажды на консилиум пришли врачи, то увидели, что Утесов весь облеплен рисунками и стихами. Одно стихотворение прочитали вслух:

Во глубине больничных стен
Храните гордое терпенье.

Окончится ваш тяжёлый

плен,

И снова будет наслажденье.

Друзья, забавы и пиры

Исцелят Лёдю от ханоры,

И для него заблещут вновь

Весна, и солнце, и любовь.

втра, Леонид Осипович очень заволновался: как же ему завтра поступать, чего ожидать, что делать? Какой ему предстоит следующий этап выздоровления?

Сделали вторую операцию. Мы с Дитой дежурили внизу. Елена Осиповна от волнения даже не могла прийти в больницу. Вышел врач и сказал:

— Дита, вы и ваш отец, наверное, родились в счастливой рубашке. Все доброкачественное.

От счастья Дита разрыдалась.

С тех пор Утесов начал острить, что у него не рак, а рыба — проглоченная рыба кость и дала ему большую опухоль.

Наш оркестр оказался в Ленинграде как раз в то время, когда на Михаила Михайловича Зоценко обрушилась опала, даже друзья отвернулись от него. Едва войдя в гостиницу, не раздеваясь, Утесов стал звонить Зоценко:

— Миша, я в Ленинграде, сейчас же приходи, я жду тебя.

Зоценко был потрясен

этим звонком. Звонки давно

уже в его доме не раздавались.

— Да, я сейчас приеду, —

радостно откликнулся он. —

Как ты не побоялся?

— Я тебя всегда любил и

буду любить. Всегда был

твоим другом и буду им.

Приходи.

— Я иду.

Услышав этот разговор, я попросила у Леонида Осиповича разрешения присутствовать при этой встрече.

Вошел Зоценко — бледный, худой, с какими-то запавшими, безумными глазами. И одет... Достаточно сказать, что на руках пиджака висела бахрома.

За обедом Михаил Михайлович рассказал, как даже на улице многие, встречая его, начинают рассматривать витрины и вывески.

— За что мне все это? Что я такого сделал? — с недоумением и обидой повторял он.

Утесов утешал его, как мог, и только говорил:

— Миша, перетерпи это мрачное время. Ты всегда был талантлив, и этого у тебя никто не может отнять.

А я, наблюдая эту сцену, щипала себя, чтобы не разревелась.

Перед вечером в ЦДРИ Леонид Осипович очень волновался. Разговорной практики у него почти не было — говорить по-французски у нас тогда особенно не приходилось, и Утесов опасался, что не справится со вступительным словом.

Но когда он вышел на сцену и произнес небольшую вступительную речь, Монтан, оценив французское произношение Утесова и владение языком, подбежал к нему и поцеловал.

— Это плата за страх, — тут же сострил Утесов, намекая на недавнюю прошедшую у нас фильм с Ивом Монтаном в главной роли.

Наступила весна, а в такую пору в голове бродят всякие сумасшедшие мысли и желания. Однажды идем мы с Утесовым по Садовому кольцу, где он тогда жил, а весенний воздух такой... кружит голову. И вдруг я объявляю:

— Леонид Осипович, сейчас мы с вами будем целоваться! Потому что весна и это надо как-то отметить!

— Тоня, ты с ума сошла! Только не это! Столько людей кругом, что подумают?!

— Нет, Леонид Осипович, это решено!

— Тоня, я сейчас же возвращаюсь домой!

— Какой я гениальный. — И захохотал.

На концерте Клавдия Ивановна Шульженко нам очень понравилась, и, придя за кулисы, Леонид Осипович ее расхвалил.

— А платье? — спросила она.

— А платье я не заметил.

— А я всегда вижу и запоминаю ваши костюмы.

— Значит, ты не слушаешь, а рассматриваешь меня.

— Нет, слушаю, но и на костюмы обращаю внимание.

Кстати о костюмах. Оркестр Утесова приехал на гастроли в Таллин, и все

бросились шить себе костюмы. Город славился портными.

Леонид Осипович решил сделать сразу два — серый и коричневый.

— Только, — сказал он портному, — мы через две недели уезжаем, успеете ли вы их сшить?

— Леонид Осипович, — сказал портной, — мы ваших стахановских методов не знаем, завтра в одиннадцать часов костюмы будут готовы.

Утесов был страшно уверенным. Сделав несколько новых концертных костюмов, продолжал выступать в старом, который, как он считал, приносит ему удачу. И когда кто-то заметил, что в свете прожекторов блестя карманы, лишь тут он согласился надеть новый костюм.

И только прежний успех и в этом новом костюме примирил его с ним и успокоил.

Приехали в Москву Ив Монтан и Симона Синьоре.

ЦДРИ решил устроить их встречу с работниками искусств. Вечер поручили вести Утесову, поскольку он прекрасно говорил по-французски и, конечно, еще потому, что был остроумен и умел сделать нестандартным любое собрание. Как необыкновенно музыкальный человек, Леонид Осипович легко схватывал мелодию чужого языка. Французский он выучил в училище Файга в Одессе еще ребенком, а когда был во Франции в двадцатых годах, то там произношение его было доведено до совершенства. Я иногда просила его сказать что-нибудь по-французски и, восхищаясь, уверяла, что он говорит как де Голль. Такое сравнение ему нравилось.

Однажды с очередной просьбой он пошел в какое-то учреждение. Вошел к чиновнику и представился:

— Я Леонид Осипович Утесов.

А тот в ответ:

— Утесов, ну и что? Что вам нужно?

Оскорбленный таким приемом, Утесов сказал только:

— Извините, мне больше от вас ничего не нужно. — Повернулся и вышел.

Домашнее огорчение рассказывал об этом неприятном инциденте. И тут, в который раз, припомнил анекдот, обычно смягчавший горечь от подобных случаев, а этот был уже не первым.

Итак. Сын прислал отцу телеграмму: "Папа, вышли триста".

Отец прочитал эту телеграмму императивным, требовательным тоном и, возмущенный грубостью сына, сказал:

— Ах он нахал. Ни за что не пошло ему денег.

— Но почему? — спросила жена.

— Конечно, я бы послал, если бы он написал мне совсем по-другому. — И те же слова телеграммы прочитал нежным и ласковым голосом:

— Папа, вышли триста.

Этот анекдот всегда почему-то приводил Утесова в веселое настроение.

Дело было зимой. Номер в гостинице был украшен фикусом, росшим в квадратной кадке. В Черновцах в каждом "люксе" был обязательный фикус и не менее обязательный портрет Ленина. Утесов сидел и ел яблоко. А когда осталось зернышко, он сунул его в землю рядом с фикусом и вдруг сказал:

— Хорошо бы вернуться, а на фикусе растут яблоки.

Я неопределенно поддакнула, а сама побежала на рынок, купила много крупных румяных яблок и, когда Утесов уехал на концерт, развесила их на ниточках на фикусе. Мы работали во втором отделении.

Вечером после концерта Леонид Осипович, войдя в номер, увидел усыпанный яблоками фикус и замер ошеломленный. Придя в себя, спросил:

— Что, здесь побывал Мишурин?

— Да, заходил, — ответила я невозмутимо, — передавал вам привет. — И мы оба рассмеялись, вспомнив анекдот о грузине, который, увидев на площади в Москве елку, усматривая игрушки, среди которых было много искусных яблочных муляжей, сказал:

— Молодец Мишурин, все-таки.

перь кричу, что я из Одессы. И Леонид Осипович снова подхватывает игру:

— Из Одессы — это великолепно! — говорит он.

И снова вопросы и ответы.

Однако, считает Утесов, пора остановиться.

— Ладно, — говорю я, — последний раз — из Ленинграда.

— Ну, из Ленинграда можно.

И, не давая Утесову опомниться, снова забегая вперед.

— Надеюсь, Ленинград — последний город?

— Нет, есть еще Тула.

Повторяется та же игра. Но я вижу, что поцелуи уже отходят на задний план, становится важной сама игра. А вот и игра исчерпала себя, теперь мы просто идем, смеясь, вспоминая эти "встречи". Леонид Осипович, правда, оказался весь в губной помаде, чему немало удивилась Дита, когда мы вернулись домой.

Утесов был двойняшкой со своей сестрой Полиной. В день рождения всегда собирались родственники. И за столом неизменно задавался один и тот же вопрос:

— Почему Полина совсем седая, а ты нет?

Леонид Осипович традиционно отвечал:

— Потому что она старше меня на пятнадцать минут. Я как воспитанный мужчина всегда пропускаю женщин вперед.

Однажды с очередной просьбой он пошел в какое-то учреждение. Вошел к чиновнику и представился:

— Я Леонид Осипович Утесов.

А тот в ответ:

— Утесов, ну и что? Что вам нужно?

Оскорбленный таким приемом, Утесов сказал только:

— Извините, мне больше от вас ничего не нужно. — Повернулся и вышел.

Домашнее огорчение рассказывал об этом неприятном инциденте. И тут, в который раз, припомнил анекдот, обычно смягчавший горечь от подобных случаев, а этот был уже не первым.

Итак. Сын прислал отцу телеграмму: "Папа, вышли триста".

Отец прочитал эту телеграмму императивным, требовательным тоном и, возмущенный грубостью сына, сказал:

— Ах он нахал. Ни за что не пошло ему денег.

— Но почему? — спросила жена.

— Конечно, я бы послал, если бы он написал мне совсем по-другому. — И те же слова телеграммы прочитал нежным и ласковым голосом:

— Папа, вышли триста.

Этот анекдот всегда почему-то приводил Утесова в веселое настроение.

Дело было зимой. Номер в гостинице был украшен фикусом, росшим в квадратной кадке. В Черновцах в каждом "люксе" был обязательный фикус и не менее обязательный портрет Ленина. Утесов сидел и ел яблоко. А когда осталось зернышко, он сунул его в землю рядом с фикусом и вдруг сказал:

— Хорошо бы вернуться, а на фикусе растут яблоки.

Я неопределенно поддакнула, а сама побежала на рынок, купила много крупных румяных яблок и, когда Утесов уехал на концерт, развесила их на ниточках на фикусе. Мы работали во втором отделении.

Вечером после концерта Леонид Осипович, войдя в номер, увидел усыпанный яблоками фикус и замер ошеломленный. Придя в себя, спросил:

— Что, здесь побывал Мишурин?

— Да, заходил, — ответила я невозмутимо, — передавал вам привет. — И мы оба рассмеялись, вспомнив анекдот о грузине, который, увидев на площади в Москве елку, усматривая игрушки, среди которых было много искусных яблочных муляжей, сказал:

— Молодец Мишурин, все-таки.